

Лашеева Лидия Алексеевна

**Записки эмигранта в Южной
Америке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Л.**
Записки эмигранта в Южной Америке / Лашеева Лидия Алексеевна – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 330 с.

ISBN 978-5-519-92592-1

ISBN 978-5-519-92592-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

.....
..... Я рѣшилъ бѣжать. Заграничный паспортъ былъ взятъ. Выдавая его, чиновникъ предупредительно объяснилъ мнѣ, что, если я ѣду черезъ Германію, то могу не визировать его, если-же поѣду черезъ Австрію, то обязательно долженъ визировать его въ Австрійскомъ консульствѣ, иначе меня задержать на границѣ. Я принялъ его слова къ свѣдѣнію, сразу оцѣнивъ то значеніе, какое это обстоятельство имѣло для меня.

Въ то время я уже впрочемъ не принадлежалъ себѣ. Я всецѣло отдался въ распоряженіе пріятелей и «знающихъ людей», руководившихъ моими поступками и заставлявшихъ меня дѣлать то, что имъ было угодно. Несомнѣнно, что всѣ они желали мнѣ добра, а иные и искренно были привязаны ко мнѣ. Я зналъ это и довѣрялъ имъ. А главное мнѣ такъ было легче. Была возможность не думать, не разсуждать, не соображать. Все это должны были дѣлать за меня другіе, тѣ, которые взялись меня спасать. Мнѣ оставалось только слушаться. И я слушался и позволялъ обращаться съ собою, какъ съ вещью. Мнѣ казалось, что вся отвѣтственность снималась съ моихъ плечъ и ложилась на другія крѣпкія, надежныя плечи.

Это были моменты полного, глубокого упадка всѣхъ духовныхъ силъ. Воли, характера, даже простого здраваго смысла — какъ не бывало. Все придавило безумный, безграничный, отвратительный и нелѣпый страхъ за свою шкуру.

Четырнадцатаго февраля въ лютый морозъ я выѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ. На мнѣ было поношенное мѣховое пальто съ барашковымъ воротникомъ и барашковая шапка, — костюмъ, въ которомъ я ежился и зябъ, но который по мнѣнію моихъ доброжелателей болѣе всего подходилъ къ данному случаю, — ноги мои стыли въ резиновыхъ лѣтнихъ калошахъ, и ѣхалъ я умышленно въ третьемъ классѣ, чтобы не такъ бросаться въ глаза. Весь мой багажъ составлялъ портфель съ засунутыми въ него носками и ночной рубашкой, а въ боковомъ карманѣ сюртука лежалъ у меня заграничный паспортъ, да бумажникъ со ста семьдесятю рублями и билетомъ III класса Гамбургско-Американской компаніи на проѣздъ моремъ въ Южную Америку.

Садясь въ вагонъ, я зналъ только одно, что, проѣхавъ Варшаву, я долженъ выйти на ближайшей къ границѣ станціи, найти провожатаго — еврея, перейти съ нимъ границу пѣшкомъ и ѣхать затѣмъ дальше, не беспокоясь о томъ, что меня поймають.

Всю дорогу я только и думалъ о томъ, какъ я устрою этотъ переходъ черезъ границу, удастся-ли найти проводника и сколько ему придется заплатить, и волновался страшно. Ночью, не смотря на усталость, я не могъ сомкнуть глазъ и по мѣрѣ того, какъ поѣздъ подходилъ къ Варшавѣ, я становился все возбужденнѣе и нервнѣе. Больше всего меня мучилъ проводникъ. Я совѣмъ не имѣлъ представленія о томъ, что значитъ перейти границу, и воображалъ, что самое трудное найти проводника.

Вотъ и Варшава. Поѣздъ остановился. Морозъ былъ куда легче, чѣмъ наканунѣ, но я такъ продрогъ, что меня била лихорадка. Хотѣлось мнѣ пойти въ буфетъ выпить стаканъ чаю, но я не рѣшился, хотя отлично сознавалъ, что тамъ

еще не успѣли хватиться. Даже то, что поѣздъ стоитъ такъ долго, безпокоило меня. Завенѣлъ звонокъ, завизжали колеса, охнулъ паровозъ, и я вздохнулъ съ облегченіемъ. Но проводникъ? Гдѣ взять проводника?

Городскіе огни потонули во мглѣ. Совсѣмъ стемнѣло. Поѣздъ идетъ тише. Должно быть подходимъ къ станціи. Сердце мое просто разрывается на части отъ мучительной заботы.

Противъ меня сидитъ какой-то человекъ въ высокихъ сапогахъ, въ полушубкѣ и въ ватномъ надвинутомъ на уши картузѣ. Лицо его мнѣ вдругъ кажется добродушнымъ и внушающимъ довѣріе.

— Скажите, пожалуйста, — рѣшаюсь я обратиться къ нему: — не знаете-ли вы, какъ перейти границу?

— Что-съ? — переспросилъ онъ, очевидно совсѣмъ не понявъ вопроса.

Я подвинулся къ нему ближе.

— Мнѣ говорили, что здѣсь довольно обыкновенная вещь, что переходятъ границу пѣшкомъ... еврей переводятъ. Я хотѣлъ только спросить у васъ, какъ это дѣлается.

Лицо моего собесѣдника приняло испуганное выраженіе, и онъ отодвинулся отъ меня.

Въ ту-же минуту поѣздъ остановился, и онъ вышелъ изъ вагона, а его мѣсто тотчасъ-же занялъ сплѣвшій у окна рядомъ пассажиръ, на котораго я до этого момента не обращалъ вниманія.

Это былъ старый, высокій, худощавый еврей съ обдерганной рыжей бородой, крючковатымъ носомъ, клочковатыми бровями и маленькими, злыми и яркими глазами.

Пока поѣздъ стоялъ, онъ молчалъ, не сводя съ меня своего пронизывающаго, хищнаго взгляда, но едва мы тронулись, онъ наклонилъ голову и тихо, точно говоря самъ съ собою, и не обращаясь ни къ кому въ особенности, произнесъ:

— А зачѣмъ пану знать, якъ переходятъ люди черезъ границу?

Я вздрогнулъ, пораженный неожиданностью, и такъ какъ

лицо его мнѣ очень не понравилось, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ:

— Просто изъ любопытства.

Жидъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Жъ любопытства? Азе панъ такой любопытный?

Я промолчалъ. Молчалъ и жидъ и все продолжалъ меня разсматривать. Мнѣ становилось неловко и было уже жаль, что я оборвалъ его, потому-что проводникъ все-таки былъ необходимъ, и мнѣ надо-же было къ кому нибудь обратиться.

— А откуда панъ ѣдетъ?—также тихо вдругъ спросилъ еврей.

— Изъ Петербурга.

— А може пану нужно, чтобы его не сдавали на границѣ?

— Положимъ нужно. Вы можете помочь мнѣ?

— Можемъ. А панъ гроши має?

— Деньги? Деньги у меня есть.

— О! безъ денегъ ничего не можно, а съ деньгами усе. А зачѣмъ панъ надумалъ бѣжать?

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Ай нѣтъ! Какъ-же можно такъ говорить? Може панъ ограбилъ, али убилъ кого...

Онъ умолкъ и заглянулъ мнѣ въ глаза.

— А може панъ—соці-а-листъ?—протянулъ онъ.—Это вже всего хуже, это-жъ пре-сту-пле-ніе.

Нѣтъ, я не социалистъ, — сказалъ я:— но во всякомъ случаѣ исповѣдываться передъ вами не желаю. Хотите заработать деньги,—ведите меня, не хотите,—я найду и другого.

— Ухъ, какой панъ горячій! Такой горячій! Такъ всякаго дѣла испортить можно. Паспортъ у пана есть?

— Есть.

— Есть? Ой, нѣтъ! Не можетъ быть, чтобы у пана былъ паспортъ.

Я, молча, вынулъ паспортъ и подалъ еврею.

Онъ внимательно разсмотрѣлъ его, и возвращая мнѣ, таинственно прошепталъ:

— Хорошій паспòртъ, панъ. Ай, какой хорошій! Заразъ видно, что уфъ Петербургъ дѣлали, уфъ столицѣ. Ай-ай! Какъ хорошо уфъ Петербургъ паспòрты дѣлають.

И онъ даже зажмурилъ глаза отъ удовольствія.

— Вы, кажется, воображаете, что мой паспортъ фальшивый?—съ раздраженіемъ спросилъ я.

— А зачево-же мнѣ воображать? Я-жъ ничего не воображаю, я-жъ вижу, что паспортъ фальшивый. Сколько панъ заплатилъ?—дѣловымъ тономъ освѣдомился онъ.

— Я говорю вамъ, что паспортъ настоящій. Это наконецъ глупо.

Еврей закачалъ головой и весь затрясся отъ внутренняго смѣха.

— Ай-ай! Каксй панъ хитрый! Теперь я вже вижу, что панъ не соціалистъ. Ай нѣтъ! Куда соціалисту до пана. У соціалиста такого хорошаго паспòрта никогда не бываетъ. И видъ у пана иной. О! Я вже вижу. Соціалистъ худой, голодный, а панъ—видный, сытый, панъ увсегда хорошо кушалъ. А може панъ былъ уфъ Петербургъ кассиромъ?—прибавилъ онъ, при чемъ всѣмъ существомъ своимъ выразилъ живѣйшее любопытство.

— Нѣтъ, я кассиромъ не былъ. И вообще прошу васъ на мой счетъ не дѣлать никакихъ заключеній. Я не воръ и не убійца.

— Ай-ай! Панъ вже и разсердился. Я-жъ пана не обидѣлъ. Азе я пана называлъ воромъ, альбо убійцей? То-жъ глупцы, они на каторгѣ пойдуть, а панъ умный, панъ за границу ѣдетъ. О! панъ очень умный человекъ. Какой паспòртъ у пана. Съ такимъ паспòртомъ Мойше Шнеерзонъ и самъ убѣжитъ и еще нѣсколько милліоновъ съ собой увезетъ.

— Кто это Мойше?

— А ужли панъ не знаетъ?

Еврей оглядѣлъ сидѣвшихъ въ вагонѣ, — ихъ было не болѣе десяти человекъ, и всѣ помѣщались на другой сто-

ронѣ, вдали отъ насъ, — и залился продолжительнымъ смѣхомъ.

Онъ смѣялся неудержимо и долго. Двѣ слезинки выдавились изъ его сощуренныхъ глазъ и медленно скатились по морщинистому, смуглому лицу на рыжую бороду. Онъ перевелъ духъ, вынулъ грязный красный платокъ, медленно вытеръ глаза и лицо, высморкался и повторилъ:

— Ужли панъ не знаетъ? О! Мойше Шнеерзонъ — великій человѣкъ. Ахъ, какой человѣкъ! Пусть панъ не смотритъ, что Мойше одѣтъ бѣдно. Мойшу всѣ знаютъ. Безъ Мойши заяцъ не перебѣжитъ границу. Вотъ онъ Мойше! — заключилъ онъ торжественно и ткнулъ себя въ грудь.

— Вы?

— Я. А панъ што думалъ? О! Мойше много можетъ. Мойше все можетъ. Пусть панъ дастъ мнѣ двадцать пять рублей. Скоро пану выходить, — шопотомъ и скороговоркой прибавилъ онъ.

— Зачѣмъ-же я дамъ вамъ всѣ деньги впередъ? Мнѣ сказали, что переводъ черезъ границу стоитъ двадцать пять рублей. Берите половину, остальное потомъ.

— А кто-жъ это пану набрешилъ? — злобно заговорилъ еврей. — Пусть панъ наплюетъ тому въ очи. Двадцать пять рублей панъ долженъ дать мнѣ, а другіе еще спросятъ, и пану надо платить.

— Сколько-же это будетъ стоитъ?

— А панъ увидитъ. Може сто, а може полтора. Ну, давай скорѣе деньги, надо выходить, — уже грубо добавилъ онъ.

Я понялъ, что торговаться бесполезно, досталъ бумажникъ и далъ еврею двадцать пять рублей.

Онъ долго разсматривалъ бумажки, сначала сидя на мѣстѣ, потомъ на свѣтъ подъ фонаремъ и наконецъ вытащилъ засаленный кожаный кошель и тщательно спряталъ ихъ.

Поѣздъ сталъ. Жидъ кивнулъ мнѣ и пошелъ изъ вагона.

На станціи тускло мигали огни. Шелъ снѣгъ. Была ночь, и я съ трудомъ слѣдовалъ за своимъ спутникомъ, каждую

минуту боясь потерять его изъ виду. Мы прошли всю платформу, спустились съ нея по ступенькамъ на рельсы, пересѣкли ихъ, потомъ перелѣзли черезъ канаву и очутились въ совершенномъ мракѣ. Только внизу подъ ногами чуть бѣлѣлъ снѣгъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ чернѣла не то стѣна, не то какое-то зданіе. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что то были сложены дрова.

Старикъ остановился и издалъ протяжный, чуть слышимый звукъ.

Отъ дровъ отдѣлились четыре фигуры и тотчасъ-же опять скрылись. Мы подошли къ нимъ и, какъ онѣ, прижались къ дровамъ. Начались переговоры. Евреи говорили всѣ разомъ на совершенно непонятномъ мнѣ жаргонѣ. По временамъ они начинали кричать и браниться. Наконецъ поладили и замолкли.

— Вотъ онъ беретъ васъ, — сказалъ мнѣ старикъ, указывая на одного изъ евреевъ. — Идите съ нимъ, и дай вамъ панъ Бугъ удачи.

Новый мой путешественникъ пошелъ впередъ. Я зашагалъ за нимъ. Насколько настроеніе мое было мрачно и тяжело, пока я сидѣлъ въ вагонѣ, настолько бодрымъ и полнымъ энергіи я почувствовалъ себя теперь.

— Ну, что-жъ, — думалось мнѣ: — самое трудное сдѣлано. Проводникъ найденъ, сейчасъ перейдемъ границу, и, можетъ быть, черезъ какіе-нибудь полчаса я въ безопасности.

Проводникъ мой молчалъ и даже впрямую не обернулся назадъ. Сначала мы долго шли прямо полемъ, потомъ вышли на узкую, должно быть, проселочную дорогу, которая вывела насъ наконецъ на широкое шоссе.

Еврей ускорилъ шаги, я не отставалъ отъ него. Прошло по моему расчету никакъ не менѣе часу съ тѣхъ поръ, какъ мы пустились въ путь.

Издали донесся лай собаки. Показались какія-то постройки.

— Что это? — спросилъ я.

— Радзивилловъ, — отвѣтилъ еврей.

Мы вступили въ мѣстечко. Прямо тянулась длинная, ши-

рокая улица. Нигдѣ не видно было огня, всѣ спали, и только собачій лай время отъ времени нарушалъ мертвую тишину.

— Теперь скоро? — спросилъ я.

Спутникъ мой не отвѣтилъ и только сдѣлалъ мнѣ знакъ молчать.

Мы повернули въ какой-то закоулокъ и остановились у маленькаго, покосившагося домика.

Еврей постучалъ въ окно. Кто-то завозился у двери.

— Это я, Ривка, — сказалъ еврей.

Въ домишкѣ вспыхнулъ огонекъ, и намъ отворила растрепанная еврейка, очевидно вскочившая прямо съ постели.

Мы вошли. Еврей тщательно заперъ дверь, а я сѣлъ на скамью и оглядѣлся. Двѣ огромныя постели съ перинами, которыя лѣзли подъ самый потолокъ, занимали почти полукомнаты. На одной изъ нихъ спалъ ребенокъ и рядомъ съ нимъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, тотчасъ же улеглась и еврейка. У окна стоялъ столъ и двѣ скамьи, въ углу шкафчикъ. Вотъ и все. Я не понималъ, зачѣмъ еврей привелъ меня сюда и вопросительно смотрѣлъ на его еще очень молодое, испитое лицо съ большими, точно испуганными черными глазами. Особенно поразили меня бѣлки его глазъ, совершенно синіе.

— Ну, что же, панъ, такъ думаешь сидѣть? — проговорилъ онъ.

— А развѣ мы не сейчасъ перейдемъ границу?

Еврей презрительно выпятилъ нижнюю губу.

— Пхе! Теперь надо ложиться спать. Вотъ постель пану. Панъ дастъ мнѣ пятьдесятъ карбованцевъ и добра ночь пану.

— Пятьдесятъ рублей? — удивился я. — Я вѣдь уже далъ двадцать пять рублей.

— Мнѣ панъ не давалъ ничего. Мнѣ надо пятьдесятъ руб.

— Это очень дорого.

— А вотъ дверь. Я пана не держу, онъ и самъ найдетъ дорогу, — произнесъ еврей, и глаза его загорѣлись ненавистью.

Я далъ ему деньги. Онъ тотчасъ же смягчился, пожелалъ

мнѣ покойной ночи, потушилъ лампу и улегся рядомъ съ своею Ривкой и ребенкомъ.

Что оставалось мнѣ дѣлать? Я раздѣлся, взобрался на приготовленное для меня ложе и потонулъ въ мягкой грязной перинѣ, которая, какъ пришлось мнѣ тутъ же убѣдиться, была еще вдобавокъ населена многочисленными насѣкомыми. Долго ворочался я съ боку на бокъ, не находя себѣ мѣста, но усталость и безсонная ночь въ вагонѣ сказались, и я наконецъ заснулъ, какъ убитый.

Когда я проснулся, въ комнатѣ никого уже не было. Постель евреевъ была прибрана. Изъ-за перегородки слышался тихій разговоръ и стукъ посуды.

Я взглянулъ на часы. Было десять.

Я сталъ поспѣшно одѣваться.

Голова еврея просунулась изъ-за двери и тотчасъ же скрылась. Затѣмъ онъ вошелъ ко мнѣ и поставилъ на столъ подносъ со стаканомъ чаю и большой бѣлой булкой.

— Вотъ чай пану. Хорошо ли панъ почивалъ?

Я поблагодарилъ и сѣлъ пить чай. Онъ показался мнѣ необыкновенно вкуснымъ и сладкимъ.

Еврей стоялъ, прислонясь къ двери, поглядывалъ на меня и шептался съ женой.

— А може панъ хочетъ сливокъ? — вдругъ спросилъ онъ. — Сливки можно достать, ежели панъ поволитъ.

— Я отказался.

— А може панъ любить вудку? — затараторила еврейка, высовываясь въ комнату, — въ шинкѣ есть добра вудка. Аэ?

Я отказался и отъ водки, но попросилъ еще чаю. Еврейка взяла у меня стаканъ и завопилась за перегородкой.

— Лёонъ! — вдругъ завопила она, какъ обожженная. — Лё-онъ! А! О! А вай миръ! О! Пронали мы. Посмотри, кто идетъ. А! О!

Еврей погрозилъ ей пальцемъ.

— Десятникъ идетъ, — шопотомъ пояснилъ онъ мнѣ.

Дверь распахнулась и на порогъ остановился рослый мужикъ съ бляхой.

— Чай да сахаръ! — произнесъ онъ въ видѣ привѣтствія, поглядывая то на еврея, то на Ривку, подававшую мнѣ чай.

— Добро утро! — сказать еврей.

Мужикъ переступилъ съ ноги на ногу, покосился на меня и оглядѣлъ мою постель, которая еще была не убрана.

— Эхъ! — вздохнулъ онъ. — Я вижу, у тебя, Леонъ Соломоновичъ, все по старому, какъ мать поставила. Достукаешься ты, милый другъ!

— Это што же значить? — проговорилъ еврей.

— Что прикидываешься-то, ровно не понимаешь. Погоди — дождешься: будетъ тебѣ крышка. Прощай покелева.

И хлопнувъ дверью, онъ ушелъ.

— А! О! Ай вай миръ! — снова неистово завопила Ривка, вся скорчившись, присѣвъ къ полу и изобразивъ на лицѣ ужасъ и отчаяніе. — Ой, бѣдное мое дитю! бѣдная я!

— Панъ, пять рублей! — вдругъ озадачилъ меня мой жиждъ.

— Зачѣмъ?

— Надо ему дать, а то донесетъ.

И получивъ отъ меня деньги, онъ бросился вонъ изъ избы. Ривка немедленно успокоилась.

Не знаю, какое употребленіе сдѣлалъ мой хозяинъ изъ этихъ пяти рублей, но вернулся онъ такъ скоро, что врядъ ли имѣлъ время помѣстить эти деньги дальше своего кармана. Лицо его выражало живѣйшее удовольствіе.

— Танерь ладно, — сказать онъ. — Будьте спокойны, панъ. Уже никто васъ не тронетъ.

— А когда же мы отпавимся?

— То еще не скоро, панъ. Я скажу пану.

— Почему не теперь?

— Ай-ай! Какъ можно. Панъ думаетъ, что это такого легкаго дѣла, какъ выпить чаю. Ай, нѣтъ!

Я спросилъ перо и чернила и принялся писать письмо.

Еврей одѣлся и ушелъ, сказавъ мнѣ, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не выходилъ на улицу. Ривка убрала комнату и отпавилась за перегородку.

Не прошло и часу, въ двери постучали.